

Натиг Расулзаде

Пассажир

Натиг Расулзаде

Пассажир

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Пассажир / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

Сценарий, написанный по мотивам повести «Дом», в котором главный герой попадает на необитаемый островок – станцию посреди огромной, как океан степи, где не останавливаются поезда, и как он стремится оттуда выбраться в большой мир, который так неосторожно покинул.

© Расулзаде Н.

© PEN-клуб

Натиг Расулзаде

Пассажир

Литературный сценарий полнометражного художественного фильма

... Ночь. Пассажир едет в поезде, в пустом купе. Смотрит в окно на свое отражение. Долго смотрит, всматривается, будто ждет чего-то необычного. И необычное случается. Его отражение медленно меняется. В темном окне расплывчато исчезает его облик и появляются один за другим неизвестные ему лица: старик в парике времен Людовика, Короля-Солнце, пожилая женщина, в которой угадывается Гертруда, мать Гамлета, молодая пара – Ромео и Джульетта, и проч.

По мере появления лиц на ночном окне, их сопровождают титры исполнителей ролей.

Пассажир с опаской вглядывается в стекло, трогает его рукой, будто хочет стереть непонятно откуда возникшие лица. Лица исчезают, уступив место законному отражению его лица. Он садится на место, потирает лоб, словно хочет что-то вспомнить.

...Пассажир слышит невнятные крики в коридоре. Скандалят. Вдруг – выстрел. Он быстро поднимается, выглядывает в коридор и видит: проводница-карлик прячет револьвер в кобуру, захлопывая дверь соседнего купе. Он с недоумением смотрит на нее.

– А тебе чего надо, пассажир?! – кричит она на него тонким срывающимся голосом, точно так же, как кричала минуту назад. – Чего высунулся?! А ну – марш на место!

Она подходит и вталкивает его в купе, захлопывает дверь. Он в растерянности садится, берет газету, стараясь отвлечься, но тут дверь купе с треском распахивается. Он смотрит – никого. Продолжает читать. Внезапно вздрагивает, оборачивается – в купе карлица. Она ставит на столик стакан.

– Чай пить, пассажир! – приказывает она.

– Но я не заказывал...

Карлица не отвечает, будто и не слышала его.

– Скажите, какое сегодня число, – говорит пассажир, отхлебывая чай и морщась.

Она долгим недоумевающим взглядом смотрит на него. Он отводит взгляд.

– Я уже сколько времени не могу допроситься у вас постельного белья, – говорит Пассажир, повышая голос.

Карлица уставилась на темное стекло окна. Пассажир, проследив за её взглядом, тоже смотрит в окно, но ничего не видит.

Повисает в купе молчание, откуда-то издали, через купе, доносится приглушенный детский плач.

– Этот поезд что, не делает остановок? – спрашивает пассажир, – До сих пор не было ни одной... кажется... Или было, когда я спал? А?..

– Скоро, – говорит проводница, – Немного уже...

Он только хочет задать очередной вопрос, но смотрит – она исчезла. Выглядывает в коридор, садится опять и некоторое время сидит в недоумение, осмысливая непонятное поведение проводницы. Потом разворачивает газету, на газетном листе – крупным шрифтом «Пассажир». Название с газетного листа переходит на экран.

ПАССАЖИР

И часть титров фильма

Пассажир продолжает читать газету, то и дело поглядывая на дверь, закуривает...

Титры:

ЗА ТРИ ДНЯ ДО ЭТОГО

... На стол, заваленный бумагами, рука с огромным перстнем на пальце швыряет рукопись.

– Да поймите вы, наконец, сейчас не время для таких книг! – говорит издатель Пассажирю. – Прошло время, когда ваши сюсюкания издавались огромными тиражами. Сейчас надо писать так, как хочет его Величество Читатель.

– Сомнительная истина, – говорит Пассажир.

– Он диктует, как раньше диктовал тоталитарный режим, – продолжает издатель. – Пишите для него. Пишите детективы, мистику, эротику, фантастику. На это есть спрос. А это можете забрать. Я много сил положил, чтобы открыть свое издательство, и не собираюсь из-за вас вылететь в трубу. Пишите триллеры.

– Я подумаю, – говорит пассажир, – Я ведь никогда не писал для читателя.

Издатель поражен.

– А для кого же вы писали?

– Для себя, – говорит Пассажир, забирая рукопись, – Только для себя.

– И как вам удалось таким образом написать и издать столько книг?

– Подумайте, – говорит Пассажир, выходит из кабинета.

... Улица. Пассажир идет по улице. Шум, крики, сигналы машин, громкая музыка из автомобилей сливаются в уличную какофонию. Прохожие идут, уткнувшись в свои телефоны, с наушниками, разговаривают, жестикулируют, такое впечатление, что разговаривают они сами с собой. Пассажир смотрит на прохожих. На углу одной из улиц сидит нищий, положив на колени костыль, перед ним коробка из-под обуви. Он терзает слух прохожих, играя на детской игрушечной дудке какую-то примитивную мелодию и безбожно фальшивя. Пассажир с рукописью под мышкой проходит мимо, оглядываясь на нищего.

... Он лежит в постели с любовницей. Она смотрит на часы, вдруг вскакивает, начинает торопливо одеваться. Он равнодушно смотрит на нее.

– Ой! Посмотри, я надела трусики наизнанку, – говорит она, сидя спиной к нему, снимает и надевает заново. – Это хорошая примета, кажется, к деньгам.

Он молчит. Она торопливо одеваясь, подходит к столу, читает заглавие рукописи.

– Пассажир, – говорит она, продолжая торопливо одеваться. – Это что, твоя новая книга?

– Которую никто не хочет печатать, – говорит он. – В этой стране писатели никому не нужны.

– Это ты никому не нужен, – говорит она. – Есть писатели – миллионы зарабатывают. А ты даже спонсора себе не можешь найти...

– Э, – отмахивается он.

– Ты просто – жалкий неудачник! – она уходит, хлопнув дверью.
Он смотрит на дверь.

– Подари на прощанье билет мне
На поезд куда-нибудь.
Все равно мне, куда он придет,
Лишь бы отправиться в путь.

... Дверь вдруг с треском распахивается. На пороге – квартирная хозяйка.
– Он еще стихи читает, бесовестный!
– Вы что, за дверью подслушивали?
– И давно! Это моя квартира, хочу – подслушиваю. А у вас совести нет, третий месяц не платите квартплату! Когда же, наконец...

Он отворачивается к стене, лежит, зажав уши. Она нависла над ним, что-то быстро выговаривает, губы бешено шевелятся. Он, не выдержав, вскакивает, натягивает брюки, кидается вон из комнаты.

– Сумасшедший! – кричит вслед ему квартирная хозяйка.

... Пассажир играет в карты в компании нескольких картежников. Обычная квартира. Один из игроков – даун, постоянно улыбается, хихикает, тем не менее, выигрывает. Перед ним – внушительная куча купюр.

Пассажир проигрывает. Встает из-за стола, удрученный. Уходит, не прощаясь. Больной игрок провожает его хихиканьем. Остальные серьезно смотрят ему вслед.

... Поздний вечер. Пассажир проходит по той же улице, что и днем. Сейчас уже здесь нет прохожих. Но нищий на своем месте, перед ним коробка полная мелких купюр. Нищий перекладывает купюры в карман, собираясь уходить. Он резво поднимается на ноги, берет костыль под мышку. Пассажир подходит к нему, смотрит на деньги в руках нищего. Пассажир вырывает пачку денег из рук нищего. Нищий замахивается на него костылем, дерутся. Пассажир бьет нищего и опрокидывает его на тротуар. Нищий, не в силах подняться, плачет.

– Отдай мои деньги! – кричит он сквозь плач.

– Отдам, – говорит пассажир.

Нищий снова бросается на Пассажира и снова получает отпор. Падает от сильного удара и теряет сознание.

– Сказал же – отдам, – говорит Пассажир.

... Пассажир в той же компании в комнате играет в карты на деньги нищего. На этот раз ему везет. Перед ним – куча крупных купюр. Он забирает деньги и уходит, не прощаясь. Все смотрят ему вслед ничего не выражающими взглядами. Даун хихикает, трясет головой, как паралитик.

... Пассажир проходит по той же темной улице. Нищий все еще сидит на своем месте, перед ним – пустая коробка из-под обуви. Завидев Пассажира, он хватается за костыль. Пассажир бросает ему пачку денег. Нищий ловит её на лету, как собака кость, торопливо прячет деньги в карман и изумленно, недоверчиво смотрит на Пассажира. Пассажир, усмехнувшись, идет дальше. Но вдруг останавливается, возвращается, подходит вплотную к нищему и закатывает ему звонкую оплеуху.

– За что!?! – кричит нищий, держась за щеку.

– Людям верить надо, – говорит ему Пассажир. – Говорил же – отдам.

... День. Пассажир идет по улице. Шум, гам, пыль столбом, чистят стены домов, дырявят асфальт отбойными молотками, сигналы машин, пробки, прохожие идут, уткнувшись в свои телефоны, спасаясь от шума наушниками. Та же картина, которую устали видеть его глаза. Он на минуту закрывает глаза ладонями, натывается на прохожих, в толпе его толкают, оборачиваются, ругают. Он останавливается перед газетным киоском, тут же к нему пристраивается карманный вор. Лезет к нему в карман, осторожно вытаскивает бумажник, убегает. Пассажир замечает его, бежит вслед за вором, перебегает улицу через проезжую часть, машины не переставая сигналият, одна на скорости едет прямо на него, он испуганно оборачивается...

... Пассажир и врач-психиатр (в белом халате и в очках, очень представительный) идут, беседуя, по коридору психиатрической больницы. По коридору то и дело проходят деловой походкой больные как две капли воды похожие на врача, тоже в белых халатах и в очках. Они, с серьезным, озабоченным видом, будто куда-то спешат, бесцельно снуют по коридору, то и дело задевая, толкая врача и Пассажира. По несколько раз здороваются с врачом.

– Здравствуйте, доктор!

– Добрый день, доктор!

– Сегодня прекрасная погода, доктор!

И спешат дальше.

– Да, вы правы, – говорит врач Пассажиру. – Поезжайте, смените обстановку. В тихое, спокойное место. Подышите свежим воздухом. У вас ничего страшного, конечно, просто небольшое нервное истощение. Смена обстановки не повредит. Никаких лекарств. Свежий воздух, тишина, прогулки утром и перед сном, холодные обтирания.

– Здравствуйте, доктор!

– Здравствуйте, здравствуйте!

Пациент в белом докторском халате тут же возвращается и снова здороваются.

– Здравствуйте, доктор!

... Пассажир выходит на улицу. На улице один из пациентов психбольницы в белом халате кидает камнем в вывеску лечебницы, чуть не угодив в Пассажира.

– Получайте, доктор! – кричит больной, швырнув камень.

Пассажир оглядывается и смотрит на вывеску:

«Психиатрическая больница...»

На месте номера больницы – зияющая дыра от брошенного камня.

... Пассажир просыпается в купе. В руках у него газета, которую он собирался читать. Теперь в купе полно людей, шум, гам, дети кричат, взрослые играют в домино, хохочут, пьют водку, передавая друг другу стакан, беззубый мужчина с упоением играет на аккордеоне. Пассажир сминает газету, швыряет ее, выходит в коридор. Стоит, смотрит в окно. Вдруг ощущает чье-то присутствие за спиной, вздрагивает, за ним стоит карлица.

– Вы зачем подкрадываетесь?

Она не отвечает с таким невозмутимым видом, будто он ничего и не спрашивал. Карлица из кобуры горстью достает баклажанную икру и жрет, как животное.

– Баклажанная икра, – говорит она сама себе. – Люблю.

Пассажир с отвращением смотрит на неё.

– Послушайте, я уже двое суток еду и еще не видел ни одной станции, ваш поезд не делает остановок? Я вас уже не первый раз спрашиваю, может, изволите ответить.

– Нет.

– Что нет? Остановок нет?

- Нет.
- Откуда же, в таком случае, все эти люди?
- Где вы видите людей?

Пассажир молча распахивает дверь своего купе, в нем – никого. Он в полной растерянности. Карлица злобно смотрит на него, крутит пальцем у лба.

- На рассвете будет станция, – сообщает она, – Если вы намерены покинуть нас...
- Я вижу, вас это не радует, – пытается пошутить Пассажир, чтобы разрядить обстановку.
- Мне начхать на это! Просто надо предупредить главного машиниста, если вы будете

выходить.

- Пре... Предупредить? Зачем?
- Зачем!? Чтобы он остановил. Зачем же еще? Видите, сколько из-за вас хлопот...
- Но... но погодите... Как же?.. Что значит – остановил? Разве?... Я не понимаю...
- Потом поймете! – зло отвечает проводница.
- А... А...

Карлица идет к своему купе, не слушая его.

- А как называется станция? – спрашивает Пассажир явно ненужное, растерявшись.
- Дом! – кричит она и запирается у себя.

Он входит в купе, изумленно оглядывается, здесь будто никого и не было. Вдруг видит на полу валяется костяшка домино, поднимает, ее задумчиво разглядывает...

... Мчится поезд. Светает. Пассажир с сумкой в руках в коридоре вагона. Выходит карлица с кобурой на боку. Он с опаской смотрит, как она приближается к нему. Оба молча смотрят на пролетающий за окнами унылый степной пейзаж.

- Степь, степь, – говорит Пассажир, – Бесконечная степь.

Пассажир и проводница смотрят в окно вагона.

Появляются огоньки вдали в степи.

- Вот он – Городок, – говорит проводница.

– Городок? Это станция такая? Вы же говорили – Дом. Смотрите – огни горят. Они что же, не спят в такое время? Надеюсь, не из-за моего приезда.

- Не болтайте лишнего, – говорит проводница. – Сейчас будете выходить, приготовьтесь.

- Приготовиться? – не может понять Пассажир.

– Хотя я бы вам не советовала, – загадочно прибавляет она. – Не в этот раз, не на этой станции...

– Не в этот раз, – повторяет за ней Пассажир и вдруг взрывается. – Мне надоел этот ваш поезд! Надоели вы! Я выйду, выйду!

... Поезд замедляет ход. Карлица, вытаскивая револьвер, резко распахивает дверь и почти выталкивает Пассажира на перрон. Поезд тут же отъезжает. Никто кроме Пассажира тут не вышел. Пассажир провожает вагоны взглядом и в окне каждого вагона видит лилипутку с разными выражениями на лице: то она улыбается, то озабоченно хмурится, то злобно скалит зубы, грозит револьвером, то хохочет, показывая ему кукиш.

... Пассажир в недоумение смотрит вслед поезду. Он почти на ходу спрыгнул с него.

С той минуты, как Пассажир ступил на платформу Дома, темп резко меняется, создавая контраст с началом фильма, с постоянной спешкой, беготней, городской суетой. Обитатели Дома заторможены, говорят и действуют медленно, и Пассажир приходится соответствовать, переживая большие, ненормальные в обычном человеческом общении, паузы, ожидая ответа на свои вопросы. Они все делают медленно, им некуда спешить, здесь нет суеты, работают не

спеша, но добротнo выполняя работу, а говорят они будто по принуждению. Создается впечатление, что они давно разуверились в необходимости слов, разговоров.

На платформе тощая, старая собака скалит зубы, рычит на Пассажира. К нему подходят двое в нелепых одеждах – костюмы театрального реквизита. В одном, пожилom, несмотря на смешное одеяние, угадывается начальник станции, другой, молодой с цилиндром на голове похож на телеграфиста. Оба изумленно разглядывают пассажира, чуть не обнюхивают, видно, что им стоит усилий не потрогать его руками. Не верят своим глазам.

– Вы... Вы здесь вышли?

– Да, – говорит Пассажир, – А что?

– Вам тут кто-то нужен?

– Кто-то нужен? Что вы имеете в виду?

– Видите ли, у нас тут, на нашей станции никто не выходит.

– Не понимаю, – говорит Пассажир, – А почему?

– Дело в том, – говорит телеграфист в цилиндре, – дело в том, что здесь незачем выходить.

– И даже опасно, – прибавляет начальник станции.

Во время их разговора остальные обитатели Дома, столпившиеся в дверях, постепенно выходят на платформу, с опаской, как к инопланетянину, приближаются к Пассажиру. Все они одеты в старые, заштопанные театральные костюмы из разных спектаклей и представляют весьма странное зрелище.

– Я не понимаю. Что вы хотите сказать? – говорит Пассажир Начальнику станции, тоже с опаской оглядываясь на окружающих его странных аборигенов.

– Только то, что сказал, – отвечает Начальник.

– Видите ли, это станция. Просто станция, – поясняет телеграфист.

– Да, – соглашается Пассажир, – просто станция. И что?

– Больше ничего, – говорит начальник, – Здесь больше ничего нет, кроме этой станции.

Никакого жилья. Это маленькая станция посреди огромной степи.

– Степи? Как степи? Мне сказали, что здесь Городок. Мне в поезде сказали, – говорит Пассажир.

– Да, это верно. Но Городок просто название. Никакого Городка на самом деле нет, – говорит Начальник станции явно через силу, видно, что ему в тягость доказывать очевидные вещи.

– Как нет!? Вы шутите? Я же сам видел огни домов.

Начальник станции безнадежно машет рукой, но Телеграфист охотно начинает пояснять.

– Это так. По ночам вся степь в каких-то непонятных огнях. То есть, не вся, а участок за нашим Домом. Мы не знаем, что это. Мы туда не ходим ночью. Из-за этих огней все и думают, что здесь Городок. Но нет никакого Городка. Да вы сами можете убедиться, – сказав это, Телеграфист, сняв цилиндр, приглашает Пассажира пройти с ним в конец платформы.

Пассажир идет с ним и видит такую же нескончаемую степь позади платформы, как и впереди. За ними бесшумно следует толпа обитателей Дома.

– Вот это да! – опешив, произносит Пассажир.

– Нет никакого Городка, – повторяет Телеграфист нервно, – Никакого-о-о Городка-а-а! Если хотите, можете и в бинокль посмотреть, – он снимает с груди мощный бинокль и протягивает Пассажиру.

Тот машинально берет бинокль и смотрит на степь позади станции.

– Вот так! Убедились? – Телеграфист отнимает у него бинокль, – Отдайте, это мой бинокль... Никакого городка... Но пассажиры поезда не знают об этом. Они-то проезжают отсюда только ночью, когда в степи за нашим Домом во всю полыхают огни. И тем, кто не спит чудится Городок. Поезд здесь стоит пять секунд. Да и то не всегда. А в последние несколько

лет вовсе не останавливается. Вот и прозвали по неведению – Городок. Но здесь, кроме нашего Дома ничего нет, вот так!

– Да, – машинально отвечает Пассажир, не в силах сразу переварить столь нелепую информацию. – Скажите, а когда будет следующий поезд?

– Следующий поезд!?! – Начальник просто ужаснулся вопросу.

– Вы с таким же успехом могли бы спросить о сроках моей смерти, – говорит Телеграфист, – Есть многое на свете, друг... Какой друг? – обращается он к толпе, – Я уже начинаю забывать...

– Друг Горацио, – подсказывают за спиной у него тихо, голосом суфлера.

– Вот именно – друг Горацио... что и не снилось нашим мудрецам. – цитирует он Шекспира. – так что, когда будет следующий поезд, и будет ли он вообще, это одному только Богу известно.

– Поезда мимо нашего Дома идут крайне нерегулярно, – говорит девица неопределенного возраста, очень жеманно в каком-то трудно угадываемом костюме 18 века, – следующий может быть через неделю, а может – через год. Однажды уже случилось такое: поезда не было четырнадцать месяцев. Мы даже и не ждем их больше. Поэтому мы все так удивились, увидев вас тут. Здесь уже много лет никто не выходит. – И неожиданно, совершенно другим тоном, с любопытством ребенка, – А что у вас в сумке?

– Что в сумке? – машинально повторяет Пассажир в крайнем замешательстве, – А что же... Что же теперь мне делать?

– Да-а, задача... – озабоченно произносит Начальник станции, почесывая затылок.

– С одним неизвестным, – подхватывает Телеграфист, показывая на Пассажира и заливаясь идиотским смехом.

Все обитатели Дома, кроме старого Начальника, подхватывают смех и смеются долго, как ненормальные.

Пассажир со страхом смотрит на них.

– Мы вас устроим, – говорит Начальник, – так и быть. Не выбрасывать же вас на улицу...

– Точнее – в степь! – снова вклинивается телеграфист.

Очередная порция всеобщего жуткого смеха. Теперь даже Начальник позволил себе немного посмеяться.

– Но, сами понимаете, – продолжает он, – живем мы тут одной семьей, так сказать, все свои, так что, ничего не попишешь, вынуждены принять вас в семью. А ты, – обращается он к телеграфисту, – срочно телеграфируй, что у нас ЧП. Пассажир высадился ни с того, ни с сего. Не знаем, что делать. Ждем указаний. Ну и все такое. Сам знаешь. Пусть у них тоже голова болит.

– Так если у вас есть телеграф, – воспрянул духом пассажир, – Дайте знать, что я должен уехать, пусть остановятся в другой раз.

Начальник станции (НС), не отвечая, странно смотрит на него. Дочь начальника Станции (ДНС) жеманно говорит:

– Не успели приехать, уже хотите покинуть нас?

– Да какой телеграф!?! – говорит Тощий Телеграфист (ТТ), – Пустая коробка – вот весь наш телеграф. Линию давно прикрыли. Это у нас игра такая, чтобы было похоже, как на настоящей станции...

Пассажир в недоумение смотрит на НС, тот, прикрыв рот, тихо хихикает.

– И как вас угораздило выйти здесь? – спрашивает Сторож, добродушный старичок в костюме палача.

– Да я, собственно говоря... – начинает Пассажир, но его уже не слушают.

– Понятно, – говорит НС, – Что ж, берите свою сумку и пойдем устраиваться. Шикарных апартаментов не обещаю, но комнату с рукомойником могу предоставить.

- А что у вас в сумке? – вновь спрашивает ДНС.
- Там бумаги... мне нужные... Нот-бук... Ай-пад...
- Что-что-что? – не может понять ДНС, – Что это все такое?

Пассажир в замешательстве смотрит на нее. Но тут вмешивается НС.

– Да, Пассажир, вляпались вы. Когда еще поезд придет. Да они теперь вовсе и не останавливаются на нашей станции, просто проскакивают на полном ходу... Нашли, где выходить... Хе-хе-хе...

... Пассажир сидит на железном сейфе в маленькой убогой комнатухе с зарешеченным окошком. Вытаскивает вещи из сумки. Потом вдруг, передумав, все швыряет обратно в сумку. Сидит, обхватив голову руками. Стук в дверь. И тут же, не дожидаясь разрешения входит жена сторожа (ЖС). Она робко входит, но бесцеремонно садится на узкую кровать, которую предоставили Пассажиру. Она протягивает Пассажиру полевой цветок.

– Это вам. С приездом.

Он растерянно, молча кивает, принимая цветок.

– На этой кровати умер мой сын, – говорит женщина, поглаживая матрац.

– На этой? – не скрывая брезгливости, спрашивает Пассажир.

– Уже много лет прошло, – говорит она, – не знаю, сколько... Мы здесь не считаем времени... А который час? – вдруг, будто вспомнив что-то важное, спрашивает она, оборвав себя на полуслове. – Я смотрю, у вас часы... У наших ни у кого нет... У жены начальника станции были много лет назад, мы все у нее спрашивали, ей это надоело и она разбила свои часики... Такие были красивые, ей все завидовали... А? Который час?

– Час? – Пассажир подозрительно смотрит на нее, смотрит на часы, – Половина девятого. Утра.

Долгое молчание.

– У него открылась чахотка, – наконец заговорила ЖС. – Скоротечная чахотка. Телеграфист посылал телеграммы одну за другой, но нам не ответили. У нас не было лекарств. А поезд не приходил уже пятый месяц. Иногда они на ходу выбрасывают из поезда для нас лекарства, иногда продукты, ну, всякие нужные вещи... А тут как на зло... Он был с детства слабенький... И вдруг навалилась такая тяжелая болезнь... Он и умер... Я ведь отговаривала его, отговаривала, чтобы он не уходил. Но он был молод, горяч, такая жизнь его не устраивала, он хотел в большой мир, к людям... Вот и ушел... И степь его убила. Мы заметили их, да, он ведь с дочерью начальника станции, они вместе ушли, ну и та вернулась, вся растерзанная... Мы заметили их километрах в двух от Дома... Они еле шли, ползли... Мы все побежали... Она выжила, а он умер... Мой сынок... Мы его похоронили тут недалеко, хотя Начальник станции и возражал, что нельзя слишком близко к Дому, он хотел там, где уже есть могилы наших стариков, чтобы все могилы были вместе, как настоящее кладбище, но я упросила его, мне трудно далеко ходить, одышка и все такое... Мы его похоронили, а через пять дней пришел поезд. Правда, в нем не было врача, да и лекарств они не привезли, да и вовсе не остановились... Может, там и был врач, но ведь поезд пролетел, как всегда... Может, это и лучше, что он не дождался поезда? Все-таки он до последней минуты надеялся, что поезд придет, ждал его, как спасения. И если бы поезд так при нем... это было бы для него тяжелым ударом... Ему было двадцать шесть лет, моему сыночку... Я потом покажу вам его могилу. Хотите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.